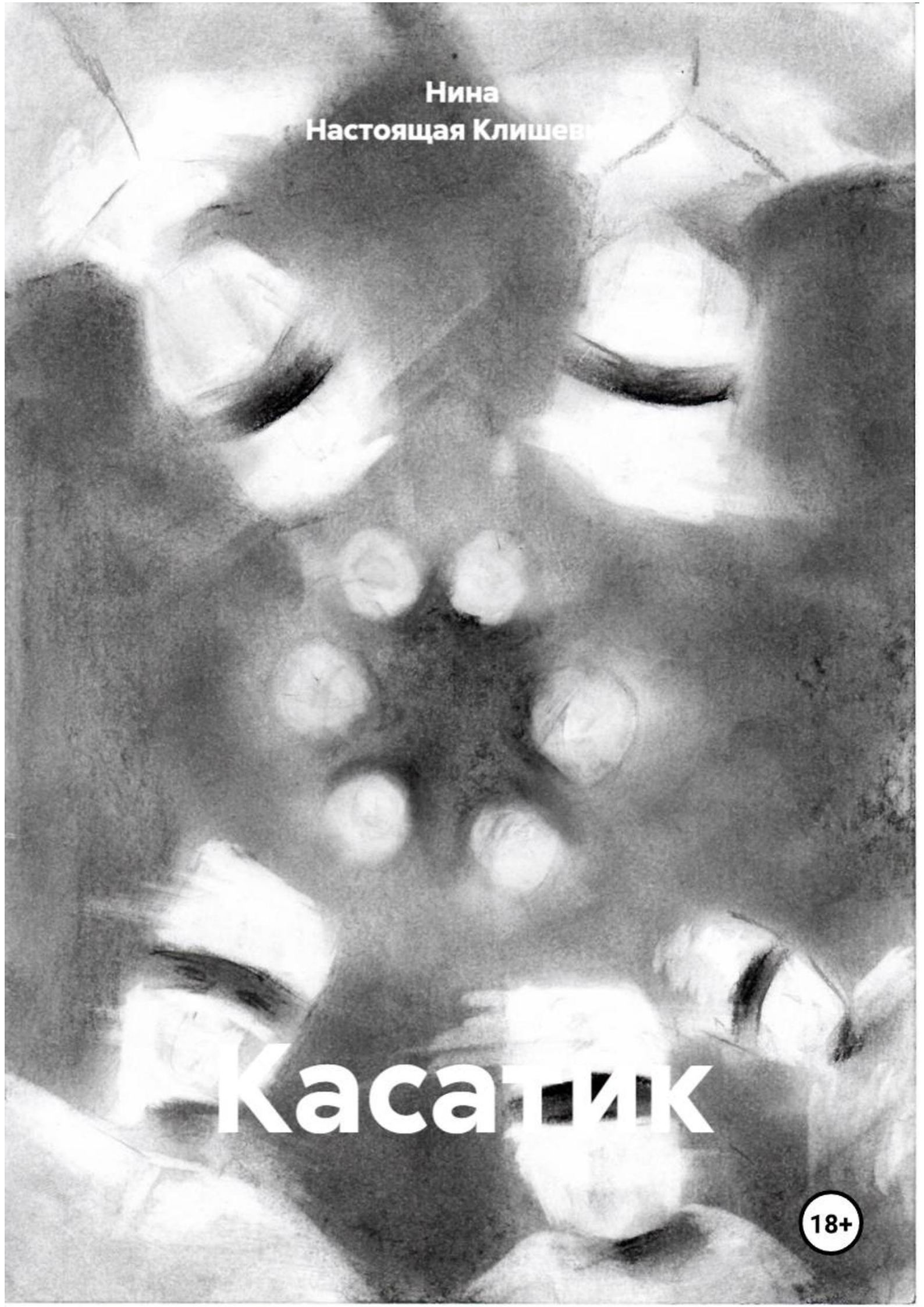

Нина
Настоящая Клишева

Касатик

18+

Нина Настоящая Клишевич

Касатик

«Автор»

2026

Клишевич Н. С.

Касатик / Н. С. Клишевич — «Автор», 2026

«Касатик» — это исповедь женщины, прошедшей через боль, отвержение, утраты и чудесные спасения. История начинается с рождения «не своей» девочки и разворачивается в полотно семейных тайн, родовых проклятий, ненависти и любви, передающихся из поколения в поколение. Любовные треугольники, клевета, бесплодие, духовный поиск и обращение к вере переплетаются с элементами мистического реализма — заговорами, обрядами и судьбоносными встречами. Это книга для тех, кто пережил трудное детство, чувствовал себя «лишним», повзрослел слишком рано и все еще ищет ответы на вопрос: «Почему, за что все это именно мне? И как с этим быть?»

© Клишевич Н. С., 2026

© Автор, 2026

Нина Настоящая Клишевич

Касатик

Касатик

Предисловие

Третье сентября 1979 года 22:45. Моя мама Лариса долго не мучалась в схватках и потугах. Это были вторые ее роды. Первой родилась моя сестра Зина. Мама сделала четыре аборта до и один после меня. Неизвестно, каких полов эти дети. Знаю только, что после меня был мальчик. Так я оказалась заперта между шестью нерожденными душами. Возможно, какие-то горести и испытания в моей жизни были не мои конкретно, а этих братьев и сестер. Ведь нереализованные судьбы и неупокоенные души могут влиять на живых родственников.

Итак, в родильном зале моя мама была одна, и мучиться ей не пришлось. Всего каких-то полтора часа, и вуаля — появилась я. В отличие от сестры, которая, как рассказывала мама, родилась светленькая, румянькая, с белыми, как сметана, волосами, я была смуглой, как маугли, с черными волосами, бровями, ресницами.

— Не моя! — закричала мама и замахала руками.

— Как не твоя? — удивилась акушерка. — Посмотри вокруг, ты одна рожала. В зале никого не было часов двенадцать уже.

Странно, да? Почему так сложилось, что в городе № в этот день и в это время родилась одна я? Для меня до сих пор это загадка. Возможно, потому что я девочка с экстрасенсорными способностями. Мама частенько любила повторять, мол, какое счастье, что не сделала аборт. А не сделала по той причине, что гинеколог, осмотрев маму и внимательно выслушав ее, сказала:

— Дорогая моя, аборт тебе никто делать не станет. Ты скончаешься на операционном столе. От потери крови.

Немного потерянной, та ушла домой. Вынашивать меня. Как-то так.

В сентябре в городе № стояла прекрасная погода: багряные листья берез, тополей, карагачей смотрели в окно, солнышко мягко согревало, прощаясь с летом. Меня приносили маме на кормление, надевая сиреневую распашонку и чепчик в тон к ней. Родилась я весом ровно три кило. Даже смешно сейчас: почему ровно три? Как такое может быть? Добродушная нянечка, со светлым лицом и голубыми, как небо, глазами, переживала, что мама от меня откажется. Поэтому приговаривала:

— Посмотри, какая красавица у тебя родилась. Все ровненькое: ручки, ножки, личико. Полюби ее!

Нянечка наряжала меня каждый раз в самые красивые новые пеленки-распашонки.

Честно говоря, иногда я думала, что было бы лучше вырасти в детдоме. Хотя многие люди говорили, что самое худшее — это расти в детском доме, и даже самые плохие родители, пьющие, бьющие детей, всяко лучше. Все свое детство я была очень одинока, мне всегда не хватало любви и внимания от мамы.

Яркое воспоминание из раннего детства: летний денек с приятной прохладой в тени, мне десять месяцев, засыпаю в коляске на улице. Коляска темно-коричневого цвета, на высоких ножках, с большими колесами. Рессоры задают мягкое качание — будто плывешь по волнам на лодочке. Дремлю под звук грохочущих больших машин, спешащих по мосту, свистки поездов,

весь день снующих туда-сюда. После подходит отец с довольной улыбкой, сомкнутыми губами и небольшой щетиной, так как выходной.

— Касатик мой, тьфу-тьфу. — Кладет на подушку, качает на руках и поет колыбельную. Солнышко скромно выглядывает из-за моста, который закрывает вид на город. И закат для нас, живущих на переулке Железнодорожном, наступает раньше, чем для остальных горожан. Печально, несправедливо, что тут еще скажешь, такова жизнь.

Целуя, колет своей щетиной. Ну слава Богу, хоть отец любит. Сжатый рот означает сдерживаемую радость. Он стесняется показать миру свое счастье, неприлично оскалившись. Буржуазные манеры. Пф, кому они нужны в советское время?

Когда я пошла во второй класс, выяснилось, что у папы не рабоче-крестьянское происхождение. По отцовской линии выжить удалось не всем, естественно, родословная скрывалась, пока не пришла демократия. Да, собственно, зачем всем про это рассказывать. Предки были зажиточными помещиками, имели свой кожевенный завод, скотный двор, конюшню и несколько десятков крепостных. Известно, что они были образованными, играли на музыкальных инструментах, пели. Прадедущка отца работал приказчиком у известного купца и мецената Ивана Яковлевича Чурина. Прабабушка сумела спрятать и сохранить в нательном поясе немного драгоценностей и золотых червонцев Николая II. Эти сокровища она таила даже от своего сына. Их обнаружили, когда она скончалась. В советское время умершего к погребению готовили самостоятельно. И когда мои бабушки и мама стали ее раздевать, то обнаружили этот нательный пояс с сокровищами. Умная и смелая, откупилась от красных офицеров, и, возможно, не только золотом. Разделила эти сокровища бабушка по своему усмотрению. Всего пара червонцев перепала моему отцу. Но и их его мама отобрала. Он потакал матери и не мог ей отказать. Мне было восемь, когда папа подозвал к окну:

— Дочь, смотри, это настоящие царские червонцы, больше ты их не увидишь.

Золотой лик государя Николая II ослепил во всех смыслах слова. Червонец был большим для моей детской ладони, тяжелым и толстым. При этом новенький, без царапин.

Что-то защемило в сердце. Куча вопросов затолпилась в голове. Каким образом царские монеты оказались у нас? Так отец и поведал мне историю своей прабабки.

Особняк, который большевики отняли, стоит невредим спустя целый век. У меня до сих пор остались жестяная банка из-под крупы, деревянный сундук и огромное фарфоровое блюдо — напоминание о своих корнях. А еще привитые отцом воспитанность, великодушие, чистоплотность, честность, порядочность, любовь к музыке, пению. И нестигаемость перед трудностями. Также известно, что прабабушка отца по родному дедушке была татарка. Похоронили ее по мусульманским традициям, завернув в ковер и сидя.

Глава 1. Сила слова

Маме не хотелось сидеть в декретном отпуске до трех лет, и она устроилась на работу. В полтора года меня определили в ясли. Однажды в феврале после утренней прогулки мои теплые штаны повесили сушиться на батарею, за шкафчик. Воспитательница сменилась, не сказав второй, где штаны. Та вывела меня гулять в одних колготках. Мороз минус тридцать пять градусов. Гуляли до прихода родителей с работы. Я замерзла, описалась, колготки застыли ледяной коркой на попе. Отец пришел, взял меня на руки как есть и принес домой. Когда дома сняли шубку, мама залилась слезами. Я заболела, конечно. Попала в больницу, воспаление вылезло в лимфаденит. Это когда воспаляется лимфоузел, нагнаивается, и нет другого выхода, как вскрывать. В детстве часто снился один и тот же кошмар: лежу голая на холодном столе, накрытая простыней, яркий свет множества мелких ламп сливается в большой круг и ослепляет. Повсюду чужие незнакомые люди в халатах, обезличенные, в масках. Неприятный запах химии. Затем темнота.

После операции воспоминаний нет. Но мама рассказывала — врачи констатировали: «Мы сделали все, что могли, дальше, если организм сильный, жить будет. На все воля Божья! Молитесь, заботьтесь о своей дочери».

Я ничего не ела. Лежала под капельницами. Температура постепенно стала спадать. Я шла на поправку. Бабушка Екатерина готовила потрясающие голубцы и пироги, отец приносил их в больницу, но я отказывалась и, вися у мамы на руках, показывала пальцем в вонючую навагу из буфета. Однажды ночью, когда мама отлучилась вынести горшок, медбрат решил, что я прекрасно подхожу как подопытная для санитарки, учившейся на медсестру. Та то ли неправильно развела лекарство, то ли не туда уколола, и у меня случился анафилактический шок. Но я снова выжила!

— Живучая у вас девочка, — сказал маме лечащий врач. — Значит, оклемается! Берегите ее.

После длительного больничного меня вернули в ясли. Мама встретилась с той самой воспитательницей — очень хотела посмотреть ей в глаза. Мама — наполовину грузинка, наполовину русская. Выяснилось, что прабабушка деда по маминой линии была чистокровной грузинкой. Семейная тайна, как и почему кавказская женщина оказалась на Дальнем Востоке, ушла в могилу вместе с ней.

У русских часто так бывает: хотят посмотреть подлым людям в глаза. За свою жизнь я тоже много раз смотрела бессовестным людям в глаза. И знаете — ничего там не видела. Просто стеклянные зрачки. Пустота. А самое отвратительное: они уверены, очень уверены в себе. Сейчас, когда мне сорок пять, я считаю это бессмысленным делом. Смотреть подлым людям в глаза или заставлять их смотреть в мои, призывая к совести. Это все равно что заглядывать в пустой гнилой колодец в ожидании, что там пробьется родниковая вода.

Так вот, мама спросила воспитательницу, почему та вывела меня в мороз в одних колготках:

— Вы ведь сама мать! Неужели не понимали, к каким последствиям это приведет? Так могли поступить только фашисты.

Воспитательница с фальшивым удивлением выдавила лишь, что сами виноваты:

— Штанов теплых не было. Оставить одну в группе я ее не могла, не вывести группу на прогулку тоже.

— Как не было штанов? — возразила мама. — Было двое штанов. Куда вы их подевали?

Пришла вторая воспитательница и сказала: «Да вот же они, за шкафчиком». Тогда «садишке» ничего не осталось, как в качестве «уважительной» причины выдать якобы неуплату за садик. Мама в исступлении посмотрела на нее:

— Да вы что, совсем очумели? Вот все платежи. Ни разу я не просрочила оплату. — И воскликнула: — Я все поняла. Пусть же вас постигнет мое горе! Пусть вы прольете те слезы, которые я пролила из-за вашей жестокости. Пусть небесная кара настигнет вас.

И ушла. Стоит отметить: женщины в моем роду обладают силой слова. Особенно если сказано в сердцах. Изучив нумерологию, я узнала, что у нас с мамой в матрице Пифагора есть треугольник ведьмы.

Расплаты ждать пришлось недолго. У воспитательницы этой случилось горе. Она по оплошности оставила на полу тазик с кипятком, и ее маленький сын залез в него и не смог выйти. Получил ожоги большой степени тяжести. Стал инвалидом на всю жизнь, а о дальнейшей их судьбе мне неизвестно.

Но даже после того случая меня не особо берегли. Два раза забывали забрать из садика. Одну ночь я провела с круглосуточной группой — родители таких детей работали в третью смену, и их постоянно оставляли ночевать в саду. А для меня это был безусловный стресс.

Когда происходит то, чего ты не ожидаешь — за тобой не приходят родители, — что чувствует маленькая девочка? Что ее нарочно оставили. Бросили.

Поставь я себя на место, когда муж, выпив, забыл забрать дочь, то второго шанса такому папаше не дала бы. Я, но не моя мать. Второй раз случилось то же самое. Как она это объяснила? «Мы оба спутали, кто забирает тебя. Вот и все. Ничего страшного не произошло». Меня забрала к себе на ночь воспитательница. Утром вместе с ней пошли в садик как ни в чем не бывало. Думаю, тогда моя Зина очень обрадовалась. Она мечтала, что я когда-нибудь исчезну.

Глава 2. Слезы от щекотки

Сестра Зинаида старше меня на восемь лет. Но всю жизнь было чувство, будто старшая я. Зинопчка до моего рождения была любимым и единственным ребенком, все, включая бабушек и прабабушек, ее обожали. Через три года после ее рождения появилась двоюродная сестра Жанна по папиной линии. Еще через пять — родилась я. Спустя два года появилась Полина, вторая двоюродная сестра по папиной линии.

Зина была крайне не рада моему появлению. Помню, что часто обижала меня. Избегала. Ябедничала родителям. И все сходило ей с рук. Главной пыткой были ее щекотушки. Она клала меня на кровать, садилась верхом на живот, распяв в стороны руки, и языком щекотала бока. Это было ужасно, иногда казалось, что умру. Я мечтала, что, когда она станет старушкой, дам ей крепкого пинка в зад. Так ей и говорила, когда она наконец отпускала меня. Замученная, растрепанная, мокрая от пота, заплаканная, я кричала ей это вслед. Но моей злости хватало ненадолго. Я все прощала. Жалела. Возможно, мне было одиноко с родителями, поэтому Зина стала товарищем по несчастью, другом. Она казалась такой несчастной. Почему? Не знаю. Нет, теперь знаю: потому что Зина всегда строила из себя жертву, даже тогда, когда ею не была. Долгие тридцать лет я жила с чувством вины. А после задалась вопросом: в чем именно моя вина? И сама себе ответила: лишь в том, что просто родилась на свет.

До рождения сына я жила для родителей, для Зины, для племянницы. А потом, слава Богу, ради сынули и, встретив второго мужа Георгия, еще и ради себя, ради него и его детей. Причина тому — мучительное чувство вины, которое я испытывала каждый раз, когда мама всем рассказывала про мои болезни и то, как ей тяжело. Как я постоянно болею, писаюсь в постель и ей приходится сидеть со мной дома да бегать по больницам, вместо того чтобы зарабатывать деньги.

Некоторые психологи считают, если ребенок часто болеет, то делает это хоть и неосознанно, но специально. Чтобы мать проводила с ним больше времени. А я уверена: частые детские болезни от того, что мать бессознательно желает ему смерти. Хочет избавиться от обузы. Сколько смертей случается именно в детском возрасте. Возможно, этим вопросом занимаются ученые Оксфорда или Кембриджа, но в России никому до этого дела нет. В последнее время, согласно российской статистике, участилась детская смертность из-за несчастных случаев: выпал из окна, задохнулся от дыма, обварился кипятком. Может быть, я преувеличиваю, и слезы матерей — это значительно чаще слезы горя и вины, нежели счастья и освобождения. Но считаю также смерть детей от несчастного случая неким способом убийства. Однажды мне попалось видео, где зафиксировано, как мать отпускает руку ребенка и даже немного подталкивает под колеса мчащегося автобуса. Кто я такая, чтобы осуждать ее! Возможно, у нее безвыходная ситуация, негде жить, нет денег, работы, тяжелая депрессия. Но все же! Я думаю, это помешательство матери. Лучше сдай в детский дом. Таково мое мнение. Многие скажут: все же лучше быть с семьей, чем в детдоме. Может быть, там больше безразличия и насилия. Тогда спасибо огромное моим родителям, что не сдали в детский дом.

Глава 3. Первая встреча со смертью

Случилось так, что брат моей мамы, Владимир, не мог найти себя ни в профессиональном смысле, ни в личной жизни. Теперь, когда изучила нумерологию, понимаю, что для человека с пятью пятерками в матрице Пифагора это вполне характерно. Одна пятерка в матрице означает, что человек тактичный и самостоятельный: умеет решать свои проблемы. Две пятерки у врожденных психологов, чутких и эмпатичных. Три пятерки характерны для «перевоспитателей», таким людям можно работать в исправительных колониях. И крайне редкое явление — пять пятерок в матрице. У их обладателей — феноменальная память, благородная натура и, к сожалению, короткая жизнь. Такая душа прилетела на Землю с очень далекой планеты, где пребывала довольно долго. А «приземлившись», не нашла себе пристанища. Здесь для нее слишком примитивно и прозаично по сравнению с ее изначальным домом души.

Поколесил Владимир по стране и не где-нибудь, а в самой Сибири встретил свою любовь Татьяну, родились у них две прекрасные дочери. Но что-то непреодолимо тянуло его домой, видимо, денежные проблемы вернули его в родную область. Чтобы обеспечить семью, решил он поработать вахтой. Простудился, схватил воспаление легких, далее плеврит, горячка, смерть. Умер он девятого мая, на День Победы.

Мой дед Станислав, его отец, смерть любимого сына не пережил. Как будто злой «рок» или порча, да и последствия участия в Великой Отечественной. Итог такой — у дедушки тоже воспаление легких, плеврит, горячка, смерть.

Мы стали поминать дядю в дату смерти только последние годы, до этого такой традиции не было. Поминали один раз в год на родительский день. На самом деле нужно поминать чаще: в дату смерти, рождения, родительский день, и вообще каждая суббота считается поминальной.

Мама рассказывала, что дедушка сильно меня любил. Жаль, ведь в моей памяти нет ни единого воспоминания о нем. Честно говоря, ребенком не до конца осознавала традиции поминок, а для мамы поездка на кладбище и вовсе была пыткой. Хотя теперь я понимаю, что посещение могил родственников помогает обрести благословение и защиту рода. Особенно, когда ухаживаем за захоронениями, приносим любимые блюда покойных. Но мама не знала этого и, поехав на похороны деда в поселок, побоялась взять меня с собой. И с отцом не хотела оставлять — переживала, что напьется и не досмотрит. Сестру Зину поручили бабушке Кате и тете Лиде — родне по папиной линии. А меня им не доверили. И когда все отправились на погребение дедушки, я почему-то осталась совсем одна.

Было скучно. Вспомнилось, как бабушка Агафья доставала витаминки из нижнего ящика шкафа. Ярко-желтые, кисло-сладенькие... они так и манили меня. Я решила достать их, не дожидаясь бабушки. И достала. К несчастью, многие таблетки были желтого цвета. Я стала глотать их все. Среди «витаминок» оказались всякие сердечные и бог весть какие. Далее непреодолимая сила погрузила меня в сон. Я добралась до дивана, прилегла и уснула. Почти навсегда. Пульс стал нитевидным, тоны сердца медленными, а я — белой, как известь на потолке.

Возможно, я так бы и ушла в мир иной. Но вернувшись с похорон, мама с бабушкой увидели меня спящей на диване, с зажатыми в крохотных ладонях таблетками. У мамы сердце ушло в пятки, оно действительно опустилось. Сегодня психологи скажут, что, возможно, это страх, смешанный с радостью, — ведь бессознательно многие женщины желают смерти своим детям, воспринимая их обузой, препятствием к «счастливой» жизни. На мое счастье, бабушкиной соседкой была медсестра Нонна. Почему-то в поселке медсестер звали просто «медичка» — какое-то упрощенное наименование, вы не считаете? Так вот, эта медичка спасла мне жизнь! Хотя шансов было мало. Как тряпичную куклу, принесла к себе, стала промывать желудок, вколола протившоковое. Затем увезли меня на мотоцикле с люлькой в больницу, чистить кровь в реанимации. Делали все, что могли, и спасли! Мама по приезду домой скрыла эту страшную историю от отца, зная, как он меня любит. Думала, что даст ей по морде. Странные

женщины, не правда ли? С одной стороны, знала, что меня обожает, а с другой — не доверила и не оставила с ним.

Ну так вот, учитывая сильную интоксикацию, были серьезно повреждены слизистая пищевода и желудка. Поселковый врач предупредил, что теперь необходимо соблюдать диету: нельзя цитрусовые, жареное и всякое такое. Но мама меня опять не досмотрела. Как вы думаете, нечаянно? А случилось следующее: мой день рождения, третье сентября, большой шоколадный торт с ежиком, пеньком, еще какими-то зверями и, конечно, грибочками. Гости, суета, маме нужно не ударить лицом в грязь и накормить всех диковинно и вкусно. Не обошлось без тропических фруктов — нарезанный тонкими дольками лимон стал моим врагом на полжизни. Он был таким ароматным, сочным и манящим... Его посыпали сахаром и подали гостям на подносе. И моя жадность меня сгубила в очередной раз. Не помню, сколько я съела, но, видимо, не три кусочка. А дальше — огромные волдыри, хрип и отек Квинке (это когда слизистая распухает и душит тебя изнутри). Невидимый душитель-убийца. Вызвали скорую, сделали антигистаминный укол, врач спрашивает: «Мамочка, а что было накануне? На ровном месте такое не бывает». Тут-то мама и разрыдалась, и рассказала страшную историю про «витаминки». Как известно, все тайное рано или поздно становится явным. Скорая успела вовремя, отвезли в реанимацию, почистили кровь. Я снова жива!

После больницы дома: постельный режим, лечение, строгая диета. Курицу, яйцо, шоколад, конфеты, малину, клубнику и многое, многое другое теперь есть нельзя. Я всегда была послушная, очень послушная девочка — как скажут, так я и сделаю, словно солдат. Часто, конечно, доставалось Зине за меня. Если со мной случалась какая-то неприятность и я плакала, то Зине от отца следовало жесткое наказание. Непонятно: родители они, а ответственность переложили на сестру, которая старше всего-то на восемь лет. Что она могла тогда понимать? А понимала она лишь следующее: ее не любят, а меня — да. Она — всегда виновата и плохая, а я — нет. Так родители навсегда нас разделили и превратили во врагов. А точнее, меня — в жертву, а сестру — в садистку. Многого я не понимала, так как была очень мала. Сильно страдала. Но все же нашла ключ к нашим гармоничным отношениям с Зиной. И сейчас мы, можно сказать, дружны. Главное, мы научились слушать и слышать друг друга, не нарушать границ. Я даже стала получать помощь от старшей сестры. Это я расскажу позже, а сейчас другая история.

Глава 4. Рыжая голова

В один из прекрасных летних вечеров, когда солнце почти скрылось за виадуком, слышались страшный визг тормозов и длинный гудок поезда. Отчаянный крик машиниста: «Уйди, дура!» Затем истошное: «А-а-а!» Выбежали к железной линии, мимо которой ходили по несколько раз в день. Мы с сестрой, родители наши — все выбежали посмотреть, что там случилось. В воздухе будто стало пусто, тишина гробовая. Все происходило словно в замедленной съемке. Подошла ближе, и мне под ноги скатилась окровавленная голова женщины с длинными рыжими волосами. Волосы были красивейшие: завитые в крупные локоны. Но лицо искорежено и окровавлено. Красная лужа ручьем стекала с насыпи вниз. Жуткая картина запечатлелась в памяти на всю жизнь. Для чего эта трагедия в моей судьбе?

Ах, вот для чего! Однажды, когда я заболела и долго не могла выздороветь, мама решила, что если я выпью кружку кипяченого молока с пенкой, да еще и с плавающим в ней барсучьим жиром, не то что выздоровею — перестану болеть навсегда! И не придумала ничего лучше, как угрожать той самой трагедией, произошедшей на железнодорожных путях. Она с криком и истерикой требовала: «Если сейчас же не выпьешь это молоко, я пойду и лягу на рельсы. Под поезд! И пусть он меня перережет, как ту рыжую женщину!» Я редела и давилась этим пойлом. Тут же включался рвотный рефлекс, я срыгивала и снова пила.

Как можно было огорчить маму? Ведь она «бог» для меня! А я — кругом виновата. Виновата в том, что она вынуждена жить с моим отцом, ведь если бы не я, то непременно бросила бы его. А так — родилась я и никак уже этого не сделать. Ничего не изменить. Точнее — не изменить ее жизнь в лучшую сторону.

Помимо страшных трагедий на железной дороге случались и казусы. Как-то зимой загорелся вагон со спичками, его отцепили и горящим откатили от вокзала подальше, а к нашему переулку поближе. Вагон откатился за мост и встал ровно там, где все переходили пути. На дым и огонь сбежались жильцы со всей округи. Пожар — это страшно и опасно. Не понаслышке мы знали, что нужно быстро реагировать даже на дым, ведь не зря говорят: «нет дыма без огня». Стояли в недоумении: почему вагон откатили к нам? Кругом деревянные дома, и если, не дай Бог, загорится один, может пострадать весь околоток. В скорости приехали пожарные, залили вагон водой и уехали, оставив мокрые спички дымить. Приехала милиция. Мы ждали: что же будет дальше? Среди мокрых спичек сохранилось много сухих, столько добра... В нашем районе жили люди небогатые, поэтому у каждого теплилась мысль: как бы набрать сухих уцелевших коробков. Время шло. Никто не расходился. Милиционеры стояли по периметру, покачивая дубинками. Смеркалось. Издали показался силуэт мужчины, видимо, шел с работы уставший — это было понятно по осанке и положению головы. На плече — сумка. Переходя пути, он резко наклонился и схватил гость коробков. Стоявший поблизости милиционер без предупреждения стукнул дубинкой по голове. Мужчина упал без сознания. Толпа ахнула. Стали расходиться. Дома отец шепнул матери: «Ночью, когда милиция уедет, пойдем с Наташкой. Сколько удастся, столько и насобираем спичек в ведра». Так решила и вся округа.

Темнота, вдали тусклый фонарь освещает пути. Люди, кто с ведрами, кто с мешками, копошатся, собирая сухие коробки. И мы с папой тихонечко, на ощупь собираем спички. Впоследствии никто так и не озаботился расчистить пути. Так что насобирали все очень много, на несколько лет хватило. Помню, тогда промелькнула мысль: «Почему рассыпали не деньги? Вот было бы здорово!» Одного наряда милиции точно бы не хватило, чтобы сдержать толпу.

Вагон с деньгами на нашей улице так и не перевернулся, но однажды приехал состав с астраханскими арбузами. Не ясно, что именно случилось, но три прицепа застряли на перепутьи. Новость по соседям разнеслась быстро. Арбузы были огромные и сладкие, как мед. Люди взбирались буквально по головам, чтобы скорее утащить свой бесплатный плод. И смех, и грех. Мы, конечно, не остались в стороне. Но теперь я смогла помочь отцу лишь в поедании арбуза на халяву. Отцу удалось сделать несколько ходок. Мы ели, и счастье текло по губам. Так у меня сложился положительный триггер. Когда кто-то угощает сахарным арбузом, я радуюсь, как ребенок. Позитивно окрашенные воспоминания благоприятны для каждого человека. Ведь психика в целях самозащиты устроена так, чтобы лучше запоминать отрицательный опыт. Поэтому наша память заполнена в основном негативом. Крайне важно беречь позитивные моменты своей жизни, запоминать и периодически доставать из закоулков ума для своего оздоровления. Положительный результат такой техники рекомендован и доказан учеными.

Самые яркие истории моего детства связаны с отцом и его авантюризмом, за что я ему до сих пор благодарна. Папа был артистичным, музыкальным и шутливым. Но только в кругу близких, в кругу тех, кому мог доверять. Для остальных он был смурной и даже суровый.

В период жесткого экономического кризиса в восьмидесятые все было по карточкам или по блату. Каждый старался завести полезные связи, знакомства, благодаря которым можно получить какие-то блага в обход правил и законов. Больше всего блатом пользовались те, кто меньше всего в нем нуждался: высокопоставленные чиновники и другие непростые люди. Простые — страдали. Выкручивались как могли. Консервы, сливочное масло, мясо, колбаса, водка

и даже яблоки отпускались по талонам. Острый дефицит всего. Мама искала и находила понимание среди хороших людей. Так она сдружилась с одной женщиной — заведующей продуктового склада. Мама всеми правдами и неправдами выменивала одни карточки на другие. И когда после бесконечных болезней и антибиотиков я ничего не могла есть, лишь ночью вставала и просила «хебушка с маслицем», она чудом доставала это сливочное масло. Я съедала кусок, который папа иногда посыпал сахаром, и сытая, счастливая ложилась спать. Большую часть детства у меня не было аппетита. И можно сказать, на этом хлебушке с маслицем я и выросла.

У меня были самые любящие родители, хоть они и не сразу меня хотели. Других я и не хочу. Мои самые любимые и замечательные.

А однажды под Новый год отцу удалось раздобыть зеленые бананы. Он попробовал один, и стало понятно, что есть такое нельзя. Решил устроить нам с сестрой сюрприз. Зеленые-презеленые бананы положил на шифоньер и ждал, пока поспеют. Наконец, когда фрукты можно было есть, папа позвонил нас с сестрой:

— А слазьте-ка на шифоньер. Там вам подарочек от зайчика, он только что пробежал мимо нашего дома и просил передать вам.

Я на правах младшей залезла первая, и каково было мое удивление — настоящие бананы, которые раньше видела только в мультиках. Глаза раскрылись, как чайные блюдца, словно в моей любимой сказке про огниво. В еще больший восторг я пришла, попробовав банан. Фрукт был великолепен — сладок и приятен. Мягкая сытость обволокла так, что не хотелось слезать с шифоньера. Затащив туда одеяло и подушку, я играла там неделю. Так мне стало известно, что в деревянном доме с печным отоплением тепло поднимается вверх. И вверх намного комфортнее, чем вниз.

Глава 5. Музыка в крови

Папа вселял веру в добро и чудеса. Он был коренастый, невысокого роста, с черной густой шевелюрой и темно-кариими глазами. Кисти широкие, руки мускулистые — от тяжелого физического труда.

Тихий, воспитанный джентльмен. В шестнадцать лет узнал от «добрых людей», что отец ему неродной. Сильнейший удар. Зато все стало на свои места: понятно, почему никогда не чувствовал тепла. Выяснилось, что бабушка и дедушка по матери были против раннего брака единственной дочери. Прадед, высокопоставленный чиновник по области, рисковал лишиться поста. Бабушкиного возлюбленного — родного отца папы — насильно отправили в другой город учиться, тем самым разделив с невестой и сыном навсегда. Он пытался видаться, украдкой приходя в ясли и складывая в подгузники деньги. Но бабушкина родня сделала все, чтобы избавиться от позора, лишь потому, что тот был семнадцатилетним юношей без образования. Решили все и за всех. Распорядились. Молодая, шестнадцатилетняя мать поначалу была вынуждена подчиняться воле деспотичных родителей. А после и вовсе выяснила, что не единственная у своего любимого. Вскоре ее выгодно выдали замуж за советского чекиста при должности. От него бабушка родила дочь и прожила жизнь с нелюбимым. Заливая горе водкой.

В школе папа был хулиганистым мальчиком. За это его часто ставили в угол — голыми коленями на горох, иногда даже били прутиком по рукам. Так как отчим был военным, их семья немало поколесила по стране. Только после распада Советского Союза стало известно, что предки по отцу были зажиточными помещиками. Прабабушке и еще некоторым родственникам удалось выкупить жизнь. Отобрали все, ну или почти все. Но кровь не обманешь, поэтому моему отцу передалось все, что было заложено веками и поколениями. В том числе тактичность и благородство.

Когда папе было три года, его сбил велосипедист, несшийся с горы. В итоге — травма головы, которая повлияла на мозговую деятельность. И конечно же, психологический удар и страх на всю оставшуюся жизнь. До его успеваемости, а точнее неуспеваемости, никому не было дела. Благодаря высокопоставленным дедушке и отчиму, у отца было все, начиная от красной икры и заканчивая фортепиано. Кроме любви родителей. Велосипеды, телевизор и шоколадные конфеты не переводились даже во время войны. Гардероб ломился от костюмов и туфель. Папа был весьма симпатичным в молодости, прекрасно играл на гитаре и фоно — самоучка. Красивые девушки, веселые компании. Никому не было дела, что с ним будет, когда не станет дедушки.

После восьмого класса общей школы папа встретил на улице маму и кинул вслед:

— Это моя жена идет.

Мама приехала поступать в институт, остановилась у тетки в одном дворе с отцом. Через три месяца сыграли свадьбу. Через девять месяцев появилась на свет моя сестра, а через восемь лет — я. Ну это вы уже знаете.

Вскоре умер дедушка. Отцу пришлось искать работу. Мать отправила его на мебельную фабрику резчиком дерева. Опасная и тяжелая работа, за которую мало платили. Кто-то посоветовал пойти грузчиком на ликеро-водочный завод. Все бы ничего, отец одной рукой закидывал полные бутылок деревянные ящики в столбик, но был соблазн пить увеселительное зелье, списывая на бой. Что регулярно и начал делать.

Только после моего рождения папа изменился. Оставил веселую жизнь в прошлом. Он был терпеливым: степенно что-то рассказывал мне, объяснял, приучал к труду. Мы вместе ходили косить траву для кроликов, вместе раскладывали ее для сушки. Папа учил топить печь. А вечерами читал книги. Перед сном целовал в макушку, приговаривая:

— Спи, мой касатик.

Любым моим достижениям широко улыбался:

— Наташка наша красавица! Тьфу-тьфу.

Но чуть не по его — вспыхивал, как спичка, и с криками, притопывая ногой, мог что-то или кого-то пнуть. Мне хватило одного раза, когда пнул меня в голень и кулаком ударил сестру по челюсти. В такие моменты я боялась получить удар, поэтому замирала и старалась угодить.

Музыкальный слух передался нам от отца. А ему — от бабушки, она играла на гитаре и пела. Научила и внука. Растила его как собственного сына. С подросткового возраста отец продолжил учиться игре на инструментах самостоятельно. Зная о заветной мечте внука, дедушка подарил на шестнадцатилетие фортепиано «Приморье». Черное, лаковое пианино стало предметом обожания на всю жизнь.

Так что музыка у нас в крови. Но пока никто из нас не стал известным, будто проклятые. Неведомые силы постоянно мешают продвижению таланта в нашей семье. Запрет или просто трудный путь. Невероятно трудный. У Зины тоже есть талант, ее взяли в школу искусств, но на скрипку, хотя она болела черным фортепиано. После конфликта с педагогом, которая начала Зине смычком по голове, обучение прекратилось.

Когда мне исполнилось пять, отец твердо решил, что уж я-то точно стану пианисткой. И не дождавшись шести лет, привел на прослушивание. Я помню, будто это было вчера. Обнаружили идеальный музыкальный слух и зачислили на обучение. Педагогом назначили самую титулованную особу. Я была единственная пятилетка, обучающаяся в этой школе. И действительно, комиссия не ошиблась. Уже спустя год мы с педагогом выступали на концертах, играя в четыре руки на двух лаковых роялях. Это был фурор.

А еще у папы был фильмоскоп со старыми пленками. Любимый мультик из этих пленок — про крысолова. Дождавшись вечера в холодную, ветреную зиму, затопив печь, мы на обратной ее стороне смотрели мультфильмы через фильмоскоп. Крутишь кадр и читаешь, что написано внизу. Отец научил нас творчески подходить к этому процессу, что нравилось всем. Читать с эмоциями: и смешно местами, и местами до слез. А в воображении — яркие образы и картинки. Размышления...

Еще папа покупал нам пластинки со сказками и современной музыкой. Мы танцевали и радовались. Сказки я слушала, когда оставалась дома одна. Приходя из школы (родители, естественно, на работе), чувствовала себя одиноко. Но включив пластинку, представляла картинки, образы героев, их гримасы и костюмы, пейзажи. Все это создавало мой внутренний мир разносторонним, красивым и богатым. Таким, который сложно понять ограниченным людям, чье детство было не таким ярким, как у меня.

Глава 6. Игра в папу и маму

Летний денек, длинные лучи солнца красиво переливаются в воздухе сквозь высокие кроны черемухи, теплый ветерок мягко струится по лицу. Мне пять лет, я, тоненькая красивая девочка, вижу, что в дом напротив заселились новые соседи. Это семья «толстяков». Мама, папа и две дочери, Машка и Маринка, — все очень тучные. И фамилия у них соответствующая — Чушковы. Папа всем давал клички, и им досталась кличка «чушаковы», иногда «чушки».

Ели они как свинки на самом деле, точнее сказать, как бешеные кабаны. Много и часто. У каждого огромная тарелка размером с нормальный тазик. И вот приглашают они меня однажды в гости. На самом деле есть в гостях я не люблю, но испытал какую-то неловкость при отказе (они были до невозможности настойчивы), я соглашаюсь. На обед борщ. Невыносимо жирный, толстая пленка покрывает красную гущу. И плавает в нем что-то непонятное: то ли шкурки свиные, то ли желудки куриные. Все это источает жуткую вонь. Я съедаю четверть того, что было в тарелке. А вечером маме приходится вызвать скорую. Страшная рвота этим самым борщом. После этого случая я никогда (никогда!) не ела у них в гостях. Но однажды произошло еще более страшное.

Сейчас смутно помню, как это получилось, наверное, потому что стало сильнейшим потрясением. Машка пригласила поиграть в кладовой. Мама освободила целую кладовку на веранде для нее. Как в настоящей комнате, повесила на окошко занавесочки, застелила кровать-сетку покрывалом, устала туалетный столик пустыми мини-бутылками из-под духов. Получилось классно — как игровая в детском саду. Но классно было до тех пор, пока Машка не сняла свою майку и трусы. Развалилась на кровати и говорит: «Давай поиграем в маму и папу! Ложись рядом».

Стало ужасно не по себе. Игра мне не понравилась. Но следующий раз она заставила сделать то же самое. На мой отказ пригрозила, что тогда все расскажет нашим родителям. Пришлось подчиниться. Точно не помню, сколько раз мы так играли. Помню только, что жизнь моя разделилась на две части. До этой мерзкой Машки и после. Всегда в дальнейшем я помнила это отвращение и стыд. Даже неосознанно. Это мешало жить, заводить отношения, общаться с противоположным полом. Неизменно преследовало меня.

Сексуальное насилие в детстве. Такие вещи невозможно стереть ластиком из подсознания, они влияют на психику и будущее человека. Тем более если это произошло в раннем детстве, до семи лет. От этого ребенок становится нерешительным, неуверенным, пугливым. В юриспруденции, уголовном праве, есть такой термин — виктимность, склонность становиться жертвой. Именно это клеймо навсегда пропечаталось в мозгу и в душе. Беспомощность. Жертвенность. Страдание. Казалось, я не такая, как все нормальные люди. Позже, став взрослой,

узнала, что не одинока: согласно статистике, огромное количество детей подвергается насилию. В спортивных школах, в специализированных учебных заведениях, в простых школах и даже дома! Растлеваются родными родителями, отчимами, дядями и другими родственниками, реже мачехами. Сексуальное насилие воспринимается ребенком с обреченностью, как то, с чем он ничего поделать не может. Его постоянно преследует страх. Рассказать кому-то? А последствия? Какими они будут? Конечно, позорными. Если это отчим, то как отнесется мама? А ведь растление приводит к тому, что девочке со временем начинают доставлять удовольствие домогательства взрослого мужчины. Разрушающее воздействие идет по всем фронтам. Но в основе своей закладывается внутренний конфликт, который не проходит бесследно.

Спустя время я узнала, что Машка сама стала жертвой сексуального насилия со стороны родного дяди. Тот изредка приезжал и останавливался у них дома. Взрослый мужик, оставаясь наедине с маленькой племянницей, под видом массажа и игры принуждал сначала к петтингу, а потом и коитусу. Ее мама закрывала на это глаза. Разумеется, не бесплатно.

Глава 7. Адский путь к знаниям

Средняя образовательная школа, в которой я училась с первого по одиннадцатый класс, располагалась от меня дальше, чем от кого-либо. Приходилось вставать в шесть утра и брести сорок минут в темноте. Лишь немного дорогу освещали тусклые фонари. Шагать с папой по скользким шпалам, всякий раз опасаясь внезапного появления поезда из-за поворота. Зимой ветер противно продувал уши, лоб, обветривал губы и щеки. Вымораживал так, что, заходя в тепло школы, чувствовала, как ломит лобные кости. Ресницы и брови покрывались инеем, и я походила на Настеньку из сказки «Морозко». Жили мы в удаленной части города. Двадцать минут пешком по шпалам, затем тридцать минут ожидания автобуса, одну остановку проезжаешь, как сельдь в бочке, и еще десять минут бежишь к школе. И в такие моменты я думала: «Почему? Почему мы живем не рядом, в красивом коммунальном доме, который стоит напротив школы?»

Дети из таких домов выходили за пять минут до уроков. И просыпались в семь, а не в шесть утра. У них было много друзей, потому что играли на одной детской площадке, ходили в один магазин за мороженым. А мой путь мог длиться час и более, если водитель напивался и не выходил в рейс. Адский путь за знаниями. В дождь, град, снегопад шпалы, пропитанные гудроном, были невероятно скользки, между ними — крупный гравий, из-за чего ноги постоянно подворачивались. Идешь, оборачиваешься, проверяешь: не подкрался ли тихонько поезд. Все время начеку. Вот откуда моя стремительная реакция. Просто с детства сформировалось: увернуться, уберечься. Не раз я думала, что из меня вышла бы прекрасная гонимая. Ведь в этом спорте очень важна реакция. От латыни: *ge* — «против» + *actio* — «действие». То есть поступок, совершенный в ответ на то или иное воздействие.

В первом классе меня усадили за вторую парту среднего ряда, но дружба с соседом не клеилась. Звали его Марат. Это мальчик маленького роста, ниже меня, со смуглой красивой кожей, большими синими глазами, черными густыми волосами. Учился он на отлично. Но был резким и колючим, как кактус, не разговорчивым. Впереди сидела парочка повеселей. Алена и Потап. На перемене Потап ходил на руках вверх тормашками, что для меня было удивительным. Интересно, что с ними сейчас? Живы ли они? Кем стали?

Алена стала моей лучшей подружкой. К сожалению, только на непродолжительный срок. Ее мама работала телефонисткой, но не простой. А самого губернатора. Алена жила в благоустроенной двухкомнатной квартире со своей старшей сестрой, мамой и папой. У них был даже домашний телефон. О, как же мне его не хватало! У меня телефон — только в телефонной будке, в квартале от дома. С него можно было позвонить Алене за две копейки. Это было целым приключением — пойти и позвонить Алене или еще кому-то. Узнать, как дела, услы-

шать родной голос. В будке из металла и стекла дверь закрывалась, здесь можно было переждать дождь и ветер. Периодически вандалы отрывали с корнем трубку, жгли циферблат, пока его со временем не заменили на металлический. Трубка была массивная, тяжелая, услышать голос из такой трубки было удивительно.

Однажды семья Алена пригласила нас с мамой на день рождения. Я была счастлива! Но почему-то моя мама не приглашала Алену с ее мамой к нам. От этого я чувствовала себя неловко. Еще подругу каждое лето отправляли в детский спортивный лагерь. В конце третьего класса она пригласила поехать вместе. Я, конечно, согласилась. И вроде мама тоже согласилась. Но когда речь зашла об оплате путевки, сказала, что очень дорого. В итоге я осталась на все лето дома, а Алена так обиделась, что перестала со мной дружить.

Подруга была невысокой натуральной блондинкой, умная, живая, смелая, модная. Я немного завидовала ее решительности, хотела быть такой же. Теперь в сорок шесть лет, пройдя семь кругов ада, могу утверждать, что стала смелой, способной постоять за себя, дать отпор кому угодно.

Спустя годы я нашла ее страничку в «Одноклассниках». Написала письмо, в котором хотела докопаться до истины: почему так резко перестала со мной дружить. И выяснилось, что причины две.

Первая — я не поехала в «Артек», о чем сама плакала горькими слезами. Объяснения мои она не приняла. Не поверила, потому что с виду меня хорошо одевали, в доме было благоустроено. То, что отец стал инвалидом и не зарабатывал, для нее было не понятно. Так что денег у нас не было. Связей, чтобы получить путевку со скидкой, тоже. Вот и все.

Вторая причина. Весной в девятом классе была дискотека. Родители Алены развелись по неизвестной мне причине, знаю только, что папа ее куда-то уехал. Мама впустила в дом другого мужчину. Отчим, стараясь завоевать доверие, купил Алене куртку из натуральной кожи: коричневого цвета, с металлическими клепочками. Короче, очень дорогая крутецкая куртка. Аленка пришла на дискотеку в ней, оставила в раздевалке. Раздевалка была ограждена металлическими прутьями, через которые при желании худой подросток мог пролезть и достать любую одежду. Так и случилось, к сожалению Алены. Кто-то украл ее крутецкую куртку. Написали заявление в милицию, но результата не было, куртку не нашли. На дискотеке была подозрительная компания подростков не из нашей школы. Покрутились, покрутились и исчезли. Вожак компании не спускал с меня влюбленных глаз, и Аленкины родители решили, будто мы друзья. Мальчик-хулиган и его команда. Они не первый раз крутились рядом. Возможно, это были детдомовцы. Возможно, ребята из окраинной школы, где контингент был похуже. Еще в начале зимы они гнались за мной с гиками и гаками по мосту через железку. Сердце ушло в пятки, я пустилась со всех ног. Кто знает, что бы они сделали? Скорее всего, побили бы и отобрали что-нибудь ценное. Повезло, что успела добежать до своего спуска и лестницы: она была нечищенная, снег взялся ледяной коркой, школьный рюкзак сполз со спины на попу, я поскользнулась и понеслась, как на санках, вниз. Скорость и высота были огромными, хулиганы не рискнули кинуться за мной — можно и шею свернуть. «Ого! Да ты крутая», — свистели и орали они вослед. Убедившись, что преследование окончено, я отряхнулась и преспокойно пошла домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.